

IV. А. АДАМЯН В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

В. В. САРКИСЯН

СВЕТОЧ ДУХОВНОСТИ

Судьба даровала мне счастье: обучаться эстетике у Аршака Абгаровича Адамяна. Однако милость судьбы проявилась и в том, что я был допущен к его благосклонной дружбе. Правда, в последнем повезло не мне одному: у многих учеников Адамяна сложились с ним теплые, доверительные отношения. Для меня же он был не только несравненным преподавателем и старшим другом, но и духовным отцом.

Впервые увидел я его будучи школьником. Это случилось в доме моей добрейшей учительницы по фортепиано Анны Михайловны Мнацаканян. Мы занимались, когда из смежной комнаты вышел человек, внешность которого привлекала какой-то спокойной и благостной интеллигентностью. Он собирался уходить. — Познакомься, это мой двоюродный брат — обратилась ко мне Анна Михайловна. Кажется, он пожал мне руку. Моя детская память запечатлела навсегда теплоту его взгляда. Много лет спустя я узнал, что они оба учились в Берлине в частной консерватории Штерна.

Уже будучи студентом Ереванской консерватории я однажды пошел в АДРИ послушать совещание по вопросам оперного либретто. Во время перерыва разговорился со студенткой теоретического факультета консерватории Нелли Садоян. Она вдруг сменила тему:

- Знаешь, из присутствующих здесь мне больше всего нравится один человек — Аршак Адамян. Он внизу, в фойе, такой задумчивый и одинокий.

Спустившись в фойе, я увидел его погруженным в раздумья. Его выступление тогда мне показалось несколько сдержанным. Возможно, что его сковывали какие-то обстоятельства.

Начался курс занятий по эстетике. В тот же день мы с волнением ожидали появления педагога, о котором уже знали. В аудиторию вошел эллинско-армянской красоты человек, поприветствовав нас, проверил присутствие и незамедлительно приступил к лекции.

С первой же лекции захватила волнующая особенность адамянской эстетики, которая сыграла решающую роль в моем ееприятии. Об этом можно сказать так: мое чувственное артистическое постижение художественной истины оказывалось в согласии с научно-эстетическим ее познанием. Иначе говоря, переживаемое мною в исполнительском творческом процессе подтверждалось в эстетическом учении Адамяна с достоверностью истины и, если так можно выразиться, с научной правдивостью.

Лекции Адамяна восхищали логической стройностью и философской глубиной, но не менее — одухотворенностью и тонким художественным чувством. Последнее обуславливалось не только его художественной одаренностью, но и опытом творческой практики: он играл на фортепиано, дирижировал, сочинял музыку и писал оперные либретто. Аршак Абгарович был эстетиком, чувствующим и понимающим искусство, как говорится "изнутри". Это прекрасное редкостное сочетание ученого и художника облекалось во впечатляющую внешнюю форму: взволнованную пафосом мысли ораторскую речь, и гармонично вплетенную в нее чарующую пластику благородно-сдержанных жестов.

Позже, когда мы сблизились, Аршак Абгарович с добродушно-наигранной самовосторженностью говорил: "Разве не чувствуется, что я горю, когда читаю лекцию!" А супруга Адамяна, Нина Степановна поведала мне о примечательном факте. Присутствующий на докладе Адамяна "Принципы поэтики Шекспира в музыке" артист Вагарш Вагаршян был зачарован пластикой жестов Адамяна, и говорил, что актер мог бы кое-что у него позаимствовать. Я слегка отклонился, но, кажется, это допустимо в данном очерке.

Свои лекции Адамян начинал всегда обращением: "О чем мы говорили на прошлом уроке?" и после краткого опроса переходил к новой теме. Чтобы передать степень приобретенных знаний и какую роль сыграло эстетическое философское осмысление искусства в нашем творческом деле, нужен специальный очерк. Поэтому я ограничусь характеристикой главных сторон педагогического метода и описанием некоторых ситуаций.

Адамян всячески стимулировал инициативу нашего мышления. Прочитав лекцию, он вовлекал нас в коллективное обсуждение темы.

¹ Выступление на 6-ой Всесоюзной научно-исследовательской шекспировской конференции.

Перекрестные вопросы и ответы максимально мобилизовывали интеллектуальные ресурсы и подвигали нас на самостоятельное решение проблемы.

Аршак Абгарович нередко поручал письменно формулировать определение эстетической категории, выбранной им для этого и сдавать ему на семинаре. Категориями для определения могли быть такие, как "красота", "содержание и форма", "художественный материал", "художественный образ" и другие. Собирая листочки с нашими заметками, он забирал их с собой и, как однажды я заметил, хранил у себя. Несомненно, это диктовалось его живым интересом к индивидуальным особенностям нашего мышления как и заботой об их развитии.

Вообще, интерес к внутреннему миру ученика составлял душу его педагогики. Вспоминаю рассказанный им случай. Аршак Абгарович принимал на дому экзамен аспиранта Ленинградской консерватории Гергелевича, погибшего, к сожалению, на фронте. Экзамен длился два часа. На мой удивленный взгляд он ответил: "Интересно ведь, когда мысль работает!" Аршак Абгарович, высоко оценивая талант своего безвременно ушедшего из жизни студента, сокрушался о его судьбе.

На экзаменах при всей взыскательности, он был довольно либерален в оценках. Опрашивая, исподволь направлял студента на суть темы. Иной раз, утомившись от долгого экзамена, он выходил из класса, увлекая за собой по коридору студентов. Расхаживая, продолжал беседу, уподобляя экзамен диалогу. Невозможно забыть этого величавого, хоть и странного зрелища. Для стороннего наблюдателя могло бы напроситься сравнение с афинской школой. Впрочем, это зрелище трогало своей человечностью.

По окончании урока я часто сопровождал Аршака Абгаровича до дома (он жил неподалеку от консерватории). Вскоре он пригласил меня, и с тех пор я стал завсегдатаем в их семье.

Навсегда запали в душу его мудрые и добрые беседы. Многого запомнилось, но обо всем здесь не скажешь. Поделюсь тем, что имея личностный оттенок, все же общезначимо: интересно и дорого для учеников, коллег и многих знавших его людей.

Коротко о быте. Жили они скромно и непритязательно. Нине Степановне удавалось обеспечивать минимум условий для научной деятельности любимого человека. Она была ему надежной опорой. В

доме царила атмосфера мира и любви, дружбы и взаимного понимания. В любви Нины Степановны к своему супругу звучал мотив преклонения. Будучи человеком крепкого духа она всячески поддерживала его и в житейских невзгодах и в злоключениях, выпавших на его долю. О последнем выскажусь позже.

Захаживая к ним, я часто заставлял его за работой. Ничем не проявляя досады от вынужденного отрыва, Аршак Абгарович продолжал вслух развивать идею статьи, вовлекая меня в обсуждение.

Обычно, закончив очередной опус, он давал его мне и другим своим ученикам и коллегам для ознакомления. Конечно интересовался мнением. Однажды, возвращая прочитанные статьи, я позволил себе сделать ему комплимент: - Аршак Абгарович, вы гений! Он ответил глуховатым смешком. Зато в другой раз, в связи с поставленной, но пока не проясненной проблемой, сказал с юмором: "Если я был бы гением..."

Аршак Абгарович чутко направлял мое развитие в нужное русло и, скажу прямо, воспитывал. Это выражалось по-разному. Заметив во мне способность к научному мышлению, он делал попытки подвигнуть меня к специальным занятиям эстетикой. По-видимому, искал достойного последователя своего учения. Такой же апробации подвергались некоторые другие его ученики. Убедившись в моем предпочтении фортепианной игре изрек: "Ты роялист!"

В ту пору у меня случился временный перерыв в исполнительстве. Чтобы не терять зря время я поступил на теоретический факультет, продолжая восстановительную работу по игре. Аршак Абгарович с редкостной душевной чуткостью осведомлялся о ее ходе, подбадривал, давал советы, а бывало и отчитывал. Заподозрив меня в недостаточной усидчивости, заявил: "Ты как аристократ, не хочешь работать!" Я пообещал заниматься по 6 часов. Без слов он взял листочек бумаги и написал: буду играть по 6 часов в день и буду следовать этому режиму твердо, и дал на подпись. Листочек я сохранил как реликвию, но слова своего, увы, сдержал ненадолго.

Искреннее душевное участие в моей профессиональной судьбе выразилось в следующем эпизоде. Интересуясь успехами моей пианистической работы, он выразил желание послушать игру. Мы договорились и в назначенный час я пришел с "Чаконой" Баха-Бузони. Аршак Абгарович сел рядом, чтобы перелистывать. Преодолевая волнение, я сыграл достаточно хорошо, во всяком случае -

увлеченно. Когда отзвучал последний аккорд "Чаканы", Аршак Абгарович встал, подошел к окну и (я это заметил!) платком вытер слезу. После недолгого молчания, овладев собой, одобрил меня, а затем прибавил, что его всегда удивляла та погруженность исполнителя в творческий процесс, при которой он полностью отвлечен от внешних обстоятельств.

А что означали слезы? Думаю, Аршак Абгарович разволновался по двум причинам: от музыки Баха и от переживания моего возрождения. Он ведь до этого всегда укреплял мою веру в успешное достижение цели, уверяя, что творческий труд увенчается результатом. "Творчество организует" — обобщал свою мысль Аршак Абгарович.

Аршак Абгарович глубоко чувствовал и понимал музыкальное искусство. Обучившись в Берлине в консерватории Штерна, он стал превосходным музыкантом. Играл на фортепиано, сочинял. Дирижировал созданным им оркестром.

Мысли о музыке, переданные изустно, заслуживают не меньшего внимания, чем запечатленные в его статьях. Особая их обаятельность состоит в непосредственности высказывания и в связи с жизненной ситуацией. Хочу познакомить читателя с ними, даже если некоторые выражены в афористической форме.

Кажется, в начале 50-ых годов в Ереване выступала с симфоническим оркестром пианистка М. Юдина, играла 5-ый концерт Бетховена. Аршак Абгарович пошел слушать еще и потому, что состоял с ней в знакомстве. Он меня спросил на следующий день: какой тип исполнителя предпочтительнее, тот, у которого акцентируется индивидуальность автора, или тот, который подчеркивает свое видение художественной идеи. Безусловно этот вопрос был задан под впечатлением исполнения пианистки. Юдина, конечно, соответствует второму типу, однако, со значительностью своей индивидуальности.

Как о чем-то странном и забавном с улыбкой рассказал о "диспуте" с Юдиной. На какое-то деликатное возражение Адамяна — "вот вы говорите", она ответила с фанатичной безапелляционностью: "Аршак Абгарович, это говорю не я, а апостол Павел!"

Глубоко волновала Адамяна композиторское и исполнительское творчество Арно Бабаджаняна. В своей заметке "О национальном в музыке" он пишет: "... ранняя национальная музыка обращается к

народным истокам, а Арно делает это в сложнейших драматических мотивах жизни... Не верно ли, что до Арно еще никто не был национален в большом и существенном?"

Однажды, я застал супругов сидящими рядом и слушающими по радио фортепианное трио Бабаджаняна. Рука Адамяна покоилась на руке жены; кисть его задрожала в драматический момент музыки. "Смелость трагизма" — так характеризовал он музыку трио.

В разговоре с одним из музыкантов меня возмутило его мнение о Бабаджаняне, как о личности мало интересной, недостаточно образованной и ... в таком роде. Я спросил Аршака Абгаровича, что он думает об этом. В ответ он рассказал об интересном эпизоде.

Будучи в Москве, он в доме армянской культуры встретился с Бабаджаняном. Беседуя с Адамяном, Арно подвел его к окну, желая показать стоящую во дворе армянскую церквушку. Знакомя Адамяна с историей церкви, Арно увлекся описанием ее архитектурных и стилистических особенностей. Свой художественный анализ Арно провел на уровне профессионального искусствоведа.

Кстати, о роли понятийного мышления в художественном творчестве. На этот счет мнение Адамяна было однозначным: искусство должно быть умным и философичным, конечно, не в ущерб образному мышлению. Примером философично мыслящего и пламенного сердца художника для Адамяна был Бетховен. И вот что я узнал от своего учителя: Бетховен, преклоняясь перед глубочайшей идеей "Фауста" Гете, носился мыслью претворить ее в музыку. Разбор "Фауста", сделанный Бетховеном, мог быть достойным пера авторитетного филолога.

Эпизод из раннего периода.

Будучи директором Ереванской консерватории (в 20-х годах) Адамян общался с известными музыкантами, в том числе гастролирующими в Ереване. Одним из них был немецкий пианист мировой известности Эгон Петри. Они сошлись по общей культуре и эрудиции. Перед своим концертом Петри спросил: "Правда, что у вас, если не понравится артист, в него стреляют?" Адамян его успокоил. Концерт состоялся в Малом зале филармонии. Петри играл великолепно. Во втором отделении, в момент наивысшего творческого подъема раздался жуткий треск разбитого стекла и к ногам пианиста свалился увесистый булыжник. Петри вздрогнул, но мужественно доиграл. В артистической, принимая теплые поздравления Адамяна,

спросил: "стреляли?" Представляю, как Адамян, отшучиваясь, объяснял, что нашим аборигенам свойственны своеобразные милые шалости.

Музыкальность в людях воспринималась Адамяном как признак наибольшей "очеловеченности". Он нежно любил своего друга В.Асмуса (известного логика и эстетика) и за то, что тот играл на фортепиано.

Из советских пианистов кроме Бабаджаняна предпочитал Рихтера. Восхищался исполнительским искусством Рахманинова. «Շիվորժի» — этим армянским словом определял существенную черту рахманиновской игры.

Высоко ценил искусство скрипача Авета Габриэляна. После его концерта радостно сказал: "Каким скрипачом стал Габриэлян! Золотой звук!"

В суждениях Адамяна о музыкальных стилях встречались меткие оригинальные характеристики. Запомнилась одна из них: "Мендельсон джентльмен в музыке".

К Шостаковичу относился прежде всего с огромной уважением. Мне казалось, что в искусстве Шостаковича ему не очень импонировала мировоззренческая основа. Однако, полностью за это не ручаюсь, тем более, что по свидетельству Ю.Н. Тюлина, на одном из обсуждений в Ленинградской консерватории Адамян высказался так: "Шостакович - совесть нашей эпохи". Делясь со мной о его творчестве отметил хор каторжников из оперы "Катерина Измайлова" "чувствуется, что написано гением!"

Я же могу свидетельствовать об искреннем уважении Д. Шостаковича к Адамяну. Отдыхая в дилижанском Доме творчества в качестве гостя Ю.Н. Тюлина (в его коттедже), я имел счастье познакомиться с великим композитором. Узнав от Тюлина, что я работаю над архивом Адамяна и что при мне имеется составленная мной из архивных статей книга "Статьи по эстетике", он попросил дать ему на прочтение. Возвращая ее, он с особой теплотой выразился о личности Адамяна. Он ведь знал его по Ленинградской консерватории!

В вопросе о том, что прежде всего обуславливает национальный характер мышления художника, я отстаивал свое мнение. Я представлял, что коренной причиной является биологическая принадлежность к нации. Аршак Абгарович убеждал, что фактор крови

служит особенностям темперамента, но не мышления. Я упорствовал. Придя в следующий раз застал Аршака Абгаровича в хорошем расположении духа. На его лице промелькнула загадочная улыбка.

— Ты знаешь, что Комитас француз?

— Не может быть!!

— Да, это подтвердилось, это так.

Вернувшись, я в смятении позвонил известному комитасоведу Роберту Атаяну, чтобы сообщить потрясающую новость. В первый миг он насторожился, затем без обиняков заявил, что это исключено. Узнав об источнике информации, от души рассмеялся.

Я советовал моему другу Левону Нерсисяну послушать лекцию Адамяна. Ему я часто рассказывал о своих впечатлениях. Поколебавшись, он согласился. Мы договорились и пошли в консерваторию. Поднимаясь по лестнице встретились с уходящим Аршаком Абгаровичем. Извинившись, я представил Левона и тот с университетской учтивостью попросил разрешения. Ответ прозвучал так: "Вы хотите придти со своим стулом? Конечно, приходите." "Ха, а у него юмор!" — произнес Левон со смешанным чувством.

В разговоры Аршака Абгаровича часто вплетался добрый юмор. Когда он хотел намекнуть, что надеется на мое понимание, либо же, уверен в нем, говорил с лукавым добродушием: "Мы уже 25 лет знакомы".

Попросив как-то выучить и сыграть ему им сочиненное "Скерцо", сказал: "Хочу, чтобы это звучало" и тут же добавил: "если это играбельно."

Умел подшучивать и над собой. В период выздоровления после перенесенного им инсульта я навещал его. Соблюдался постельный режим. Аршак Абгарович с выдержкой, спокойно и обстоятельно рассказывал о процессе восстановления. Показывая упражнения для разработки движений, сказал улыбаясь: "Пока в футбол играть не могу, но уже двигаю пальцами". Я залюбовался изумительной красоты руками Аршака Абгаровича.

Кстати о футболе. Адамян однажды пошел смотреть игру. И вот что из этого вышло. Выслушаем его самого: "Как только я понял, что в одни из ворот должно быть заброшено наибольшее количество мячей, я встал и ушел".

Как я сказал, в болезни Адамян проявлял редкую выдержку и волю. Он настраивался положительно на выздоровление и, конечно,

прежде всего для завершения своих замыслов. Рассуждал о том, как нелегко психике приходится в борьбе с этой болезнью, поскольку она (психика) делается лабильной. Привел в пример свою минутную слабость: "Я услышал по радио фразу: прощай, навсегда прощай, и у меня навернулись слезы".

Когда Аршаку Абгаровичу исполнилось 70 лет, мы классом пошли поздравлять своего любимого учителя. Как он тепло нас встретил и как был рад! Аршак Абгарович был согрет словами любви и признательности. Полушутя сказал: "Я никогда не верил, что мне будет 70 лет".

Прежде чем продолжить воспоминания, должен оговориться. В памяти сохранились многие факты и события. Ни одного не хотелось бы упустить. Однако, если о каждом писать подробно, очерк разрастется до книги. Поэтому пусть мне простится допускаемая иной раз обзорность.

Аршак Адамян был человеком гармоничной красоты. "Какой прекрасный человек Аршак Абгарович!" — восторженно отзывался о нем Христофор Степанович Кушнарев в нашей беседе о нем. Действительно, в нем все было прекрасно и обаятельно. Высокий этический смысл определял все его личностные проявления: глубокая порядочность, доброта и отзывчивость, полная отдача всей своей жизни возвышенным идеалам и целям. Помнится, еще не окончательно оправившись от болезни, несмотря на запрет врачей и контроль жены, он тайком писал в выдвинутом ящике письменного стола. Да, Адамян не мыслил свою жизнь вне научной деятельности, как не представлял ее сведенной к будничному "позорному благополучию".

Однажды, застал я его сидящим на балконе. Взор его был устремлен в голубое небо, в котором стрижи вычерчивали линии стремительного полета. "Вот видишь — сказал он мне — и в жизни есть люди масштабных действий, а бывают и такие, как те суетливые воробы".

При напряженной научной деятельности Аршак Абгарович уделял время общению, особенно, если нуждались в его совете или помощи. За это его любили, хоть и иной раз отвечали неблагодарностью. Ведь сколько диссертаций и научных трудов было написано под его фактическим руководством! А скольким он помог дружеской беседой и добрым словом. В этом он отказывал только отъявленным негодяям и подонкам. Но к морально заблудшим

относился сострадательно. Вспоминаю рассказ Нины Степановны о соседке по двору, девушке воровке, которая души не чаяла в Аршаке Абгаровиче. Он был лучом света в ее темной и опасной жизни. С букетом роскошных цветов пришла она поздравить "дядю Аршака" с его блестящим выступлением на шекспировской конференции.

Характерной чертой в отношениях с учениками была заинтересованность их внутренним миром. А это выражалось не только на официально-педагогическом уровне. Она (заинтересованность) выражалась в подлинно человеческом соучастии в наших душевных состояниях и в готовности прийти на помощь, когда требуется. Настроение он угадывал безошибочно. Случилось так, что какое-то время я не заходил к нему. Нужно было привести в порядок рой мыслей и чувств, вызванных интеллектуальным общением, найти свое отношение. Аршак Абгарович встретил меня приветливо со словами: "Давно тебя не видно..., но так бывает". Конечно, он все понял.

При всей своей утонченной интеллигентности Адамян в некоторых ситуациях проявлял чисто мужской характер. Вот случай из их жизни, из далекого прошлого.

Нина Степановна ожидала Аршака Абгаровича на одном из парижских бульваров. К ней подошел какой-то франт и стал приставать. Замешательство Нины Степановны, слава богу, длилось недолго: вскоре она заметила Аршака Абгаровича, спешившего к ней с зонтиком в руке. Подойдя, он без дальнейших объяснений полоснул зонтиком хлыща, и того как "ветром сдуло".

Общение с Адамяном способствовало не только нашему общему развитию, но и нравственному воспитанию. Без сентенций он умел в нас пробуждать самокритическое сознание. Несколько примеров.

Если кто-то из нас пытался оправдать свою слабость "невозможностью изменить себя к лучшему", Аршак Абгарович возмущался. Убеждая, он говорил, что к такому аргументу чаще всего прибегают женщины, заявляя безапелляционно: "Я такая!" Он заключал: "Это можно было понять, если бы так говорил манекен".

В одной из бесед я упорно отстаивал свое мнение и даже пытался его переубедить. При следующей встрече он мягко дал понять, что надо уметь уважать убеждения, имеющие значение всей жизни.

В другой раз, когда в связи с обсуждаемой темой он сослался на Маркса, я бесцеремонно заявил: "Я не люблю Маркса". Конечно, это его покорило. Мне запомнилась его фраза, произнесенная с

серьезной убежденностью: "Маркс опробован историей".

Именно с позиции глубокой убежденности, относясь к Ленину с огромным уважением, Аршак Абгарович не принимал некоторых его положений об искусстве: "Разве так должен был говорить Ленин!" Об этом я узнал от Нины Степановны.

Не удивительно, что по характеру своих мировоззренческих взглядов и убеждений Аршак Абгарович не верил в бессмертие души. Я убедился в этом, когда на мой вопрос — "верите ли Вы в идею энтелехии?" — он ответил отрицательно.

Однако верил в телепатию. И вот почему. Рассказал мне интересную историю.

Аршак Адамян вместе с известным актером Абеяном находились в каком-то общественном собрании. Сидя за столиком беседовали. Абеян вдруг предложил: "Хочешь я того человека, который беседует за буфетной стойкой, заставляю выполнять мои мысленные приказы?" Договорились. Ничего не подозревавший перцепиент "добросовестно" выполнял мысленные "поручения" Абеяна. Адамян был поражен ... и уверовал в телепатию.

Подходя к концу повествования хочу привести, хоть и в некотором разбросе, отдельные мысли Адамяна.

Мне очень хотелось втянуть Аршака Абгаровича в разговор о тайне бытия, о загадке мироздания, короче — о вечных вопросах, волнующих человечество. Не связывая судьбу вселенной с некоей высшей творческой силой (богом), о ней (вселенной) он сказал проникновенно: "Это очень мудро, вечное становление".

В архиве Адамяна находилось небольшого формата, на картоне написанное произведение, исполненное художником Терлемезяном. На ней изображен юноша с воздетыми ввысь руками: весь — порыв и устремленность. Он рассказал историю этой картины. Адамян обратился к Терлемезяну: "Мог бы ты изобразить в образе стремление слиться с космосом?" Живопись очень впечатляющая. Надеюсь не утрачена.

Очень волновал меня вопрос о возможности наличия в музыке сюжета. Ответ Адамяна заставил задуматься: "Это область частных связей". О творческой свободе: "Искусство нельзя санкционировать". "Музыковед не должен ставить своей целью замещать пышными словами музыку".

Всем известна замечательная статья Адамяна об эстетике Дидро.

В частной беседе, отзываясь о нем восторженно как бы оговорился: "... хоть и стиль у него иногда и перехлестывает".

Выразился как-то о Герцене: "Когда пишет Герцен, чувствуется, что это от всего сердца".

Однажды Аршак Абгарович задумчиво произнес: "Было бы интересно (научно) выяснить: для чего человечество на протяжении тысячелетий затрачивает огромную энергию на сновидения".

А в одной из наших бесед он заметил, что я иногда выражаю в словах не до конца продуманные мысли. Неожиданно он перешел на проникновенно-интимный тон, словно завещая: "Пусть это будет тебе от меня: никогда не выражай в слове мыслей, не проверив их истинности. Это ущемляет интеллектуальную нравственность". Я же спросил: "Если я не выражаю в словах непродуманные мысли, но ношу их в своем внутреннем сознании, меньше ли от них вреда?" Он ответил: "Слово фиксирует".

...

Поработав над предложенной Адамяном темой "О больших и малых обобщениях в искусстве", решился отнести наметки ему на суд. Дверь отворил он сам, за ним стояла Нина Степановна. Он выглядел неважно, извинился за плохое самочувствие.

Встреча на пороге оказалась последней. Когда спустя время я вошел к ним с беспокойным чувством, он был в агонии. До последней минуты мы — Лиана Амбрумян, Ваня Хачатрян, внучка Эльга Адамян и я — были с ним.

Прислушиваясь к его встревоженному дыханию, я раскрыл лежавший на его письменном столе блокнотик. В нем находились две заметки, сделанные за несколько дней до катастрофы. Вторая — "Заметки о художественной форме" была помечена датой 6.02.56г. Спустя годы я включил ее в книгу статей Адамяна "Статьи по эстетике".

Когда его не стало, убитая горем Нина Степановна воскликнула: "Вот нет Аршака Адамяна, пусть радуются его недоброжелатели". Надгробную речь произнес взволнованно и проникновенно философ В. Чалоян. Позже ученики установили каменную плиту на его могиле.

Не могу не упомянуть некоторых фактов травли Адамяна. Хочу предварить их цитатой Адамяна из письма к Т.Г. Тер-Мартirosяну (не датировано, предположительно 1950г.) "... в последнее время занимает меня мысль, что за истекшие миллионы лет человек не успел выработать, среди других эмоций, одной, которая была бы очень мучительной — для одних и спасительной — для других. Я имею в виду чувство стыда за свое существование..."

Не знаю как насчет чувства стыда у людей, совершивших злодейские поступки в отношении выдающегося деятеля нашей науки и культуры, нам же мучительно стыдно за содеянное.

В зале СКА проходило очередное обсуждение текущих вопросов. Я вошел, когда заканчивал свое выступление музыковед Ал. Татевосян. Меня возмутил не только смысл сказанного, но и улично агрессивный тон "речи". Запомнилась с нахрапистой наглостью произнесенная фраза: "... он говорит так, потому, что хочет сказать, что он создал симфонический оркестр". Оглянувшись, я заметил на лице Адамяна выражение с достоинством сдерживаемого возмущения.

Музыковед "Аврора" (псевдоним) инкриминировал А. Адамяну чуть ли политическую неблагонадежность. Его изобретательность, хоть и примитивная по уровню мышления, могла бы сыграть зловещую роль. Чтобы объяснить, чем он воспользовался для своего наезда, начну издаleка. В своей статье "Принципы поэтики Шекспира в музыке" Адамян развивал идею о том, что в "Ромео и Джульетте" трагедия заключается не просто в том, что здесь люди гибнут только за любовь друг к другу, но заключается она и в том, что гибель эта "оправдывается", оказывается нелепо необходимой для общества, которое само эту гибель благословило и само в ней нашло источник благополучия". Иначе говоря, трагический смысл "Ромео и Джульетты" "...не в личной гибели, как ни жестока сама по себе эта гибель, а в том, что в этой гибели скрывалась необходимость, что только такой ценой, ценой гибели личностей, могло себя спасти общество".

И что бы вы думали? Упомянутый музыковед выступил с такой "исторической" фразой, произнесенной в духе верноподданического плаксивого возмущения: "... Адамян говорит, что для благополучия общества должны гибнуть лучшие личности, что, значит Сталин

должен умереть, чтобы нам было хорошо?!" Об этом с горечью рассказывала Нина Степановна. От комментариев отказываюсь, еле сдерживая ругань.

Мне стыдно, что в последние годы жизни Адамян работал на почасовую оплату и терпел материальные лишения в период, когда после перенесенной тяжелой болезни, он самоотверженно трудился, обобщая свою деятельность в выдающихся исследованиях.

С горечью признавался мне профессор консерватории по анализу музыкальных форм С.В.Коптев. Желая исправить бедственное материальное (да и моральное) состояние Адамяна он обратился к профессору, преподавателю по истории партии И.И. Тамразовой. "Оставьте старика в покое!" — ответила она с партийной убежденностью. Быть может бессердечность ответа была продиктована ее обидой за один совет Аршака Абгаровича. Как-то она пригласила Адамяна послушать свою лекцию. Прослушав, он высказался доброжелательно, однако, дружески посоветовал не увлекаться "митинговым пафосом".

И "старика" оставили в покое! Его, бывшего директором консерватории в 20-х годах, создавшего на основе оркестрового класса симфонический оркестр Армении, его, несравненного лектора по эстетике, не сочли нужным пригласить на юбилей консерватории. Ему не дали написать пособие по эстетике, проект которого давно был у него готов. А наряду с его выдающимися трудами мы могли бы иметь пособие, написанное с классической стройностью и глубиной мысли.

Прошло почти полвека, как завершилась земная жизнь великого ученого и человека, нашего любимого преподавателя и друга. Память о нем не померкнет, ибо светом его духовности будут облагорожены устремления также и будущих поколений.

Ц. В. ЧАЛОЯН

Как дела, коллега?

Даже не смогла бы представить, что окунуть в столь дорогое мне детство, чтобы вспомнить благородного ученого, интеллектуала Аршака Адамяна.

В семье моей было чувство обожания к родителям, мы с братом не могли жить без ума и мудрости мамы, но преклонялись перед отцом. В зрелом возрасте я поняла, что и этот дух в семье был заслугой